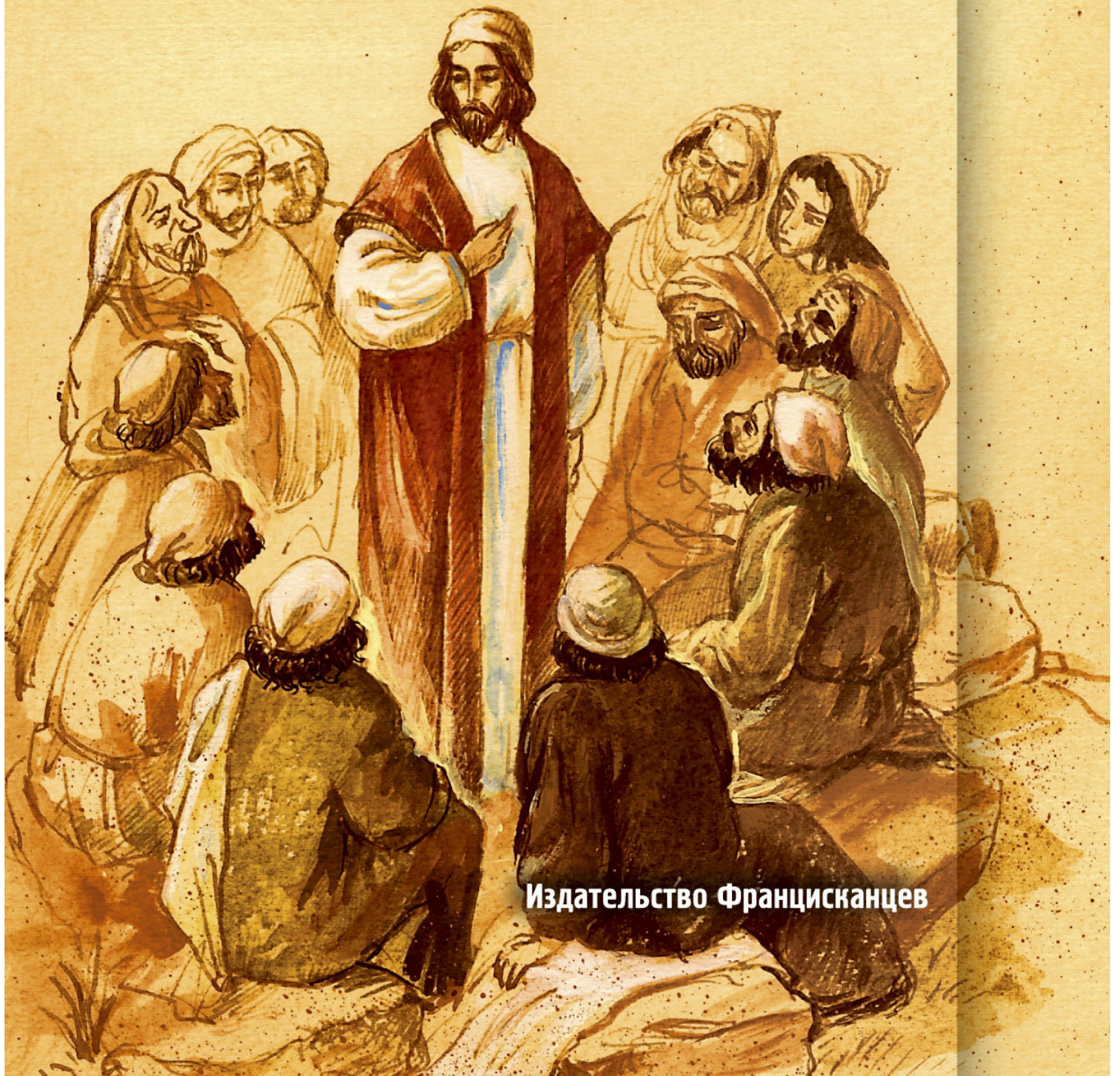

Ян Добрачынський

Письма Никодима

Издательство Францисканцев

Ян Добрачинський
Письма Никодима

«Издательство Францисканцев»

19952

Добрачиньский Я.

Письма Никодима / Я. Добрачиньский — «Издательство Францисканцев», 19952

ISBN 978-5-89208-102-3

Эта книга, написанная от лица евангельского персонажа – фарисея Никодима, – о поиске истины человеком, убежденным в своей правоте, человеком умным и образованным, который хочет все понять, а не просто прийти ко Христу верою. Он проходит до конца трудный путь и получает возможность исцелиться от страха, любить безрассудно и идти туда, куда зовет его сердце.

ISBN 978-5-89208-102-3

© Добрачиньский Я., 19952

© Издательство Францисканцев, 19952

Содержание

Разум против любви	6
Письмо I	8
Письмо II	12
Письмо III	21
Письмо IV	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ян Добрачиньский Письма Никодима

Jan Dobraczyński
«Listy Nikodema»

Copyright for the Polish edition by Aleksandra Dobraczyńska – Kadzińska; Joanna Dobraczyńska – Kuś, Warszawa, 1997

Copyright for the Polish edition by Instytut Wydawniczy PAX, Warszawa, 1997

Первая публикация в Польше в 1952 году.

Русское издание выходит с любезного разрешения наследниц Я. Добрачиньского – А. Добрачиньской-Кадзиньской и И. Добрачиньской-Кузь.

Перевод: Елена Головина
Редактор: Анна Годинер
Корректор: Вера Полякова

Издание 2-е

Разум против любви

Избалованные и весьма искушенные европейцы с редким единодушием сошлись на том, что книгу польского писателя Яна Добрачиньского (1910–1984) «Письма Никодима» «нельзя забыть». Она появилась в 1952 году, выдержала 16 переизданий в Польше, была переведена на 20 языков.

Что может быть, в сущности, неблагодарнее для автора, чем попытка воссоздать земную жизнь Христа? Об этом написаны сотни книг на всех мыслимых языках и во всех мыслимых жанрах. И тем не менее оригинальность произведения польского прозаика бесспорна. Редчайший случай: достаточно традиционно выстроенное произведение на поверку оказывается чем-то принципиально другим, нежели просто романом, скорее – переданным через архетипические образы индивидуальным религиозным переживанием. Со всеми неизбежно вытекающими отступлениями от догматичности. Переживанием-встряской, переживанием-исцелением, и – что самое существенное – настолько современным и сегодняшним, что лишний раз убеждаешься, насколько неизменна «кристаллическая решетка» человеческой души. Да, подробно изложены все евангельские истории о Христе, обо всех сотворенных и всем известных чудесах рассказано прямо и буквально, казалось бы, без малейшей попытки перевести их в символический план. Христос Добрачиньского, «яко по суху», идет по водам Галилейского озера, словом воскрешает Лазаря, исцеляет прокаженного... Все так. Но гораздо важнее в романе чудеса не сотворенные... Дела не сделанные. То, что стоит за евангельскими притчами. И тут возможности для интерпретаций безграничны.

Разумеется, книгу можно прочесть с разных позиций. Например, как драму рационального пути к вере. Никодим – прототип современного образованного человека. Ученый, интеллектуал, книжник... В этом контексте само собой напрашивается сравнение Никодима с апостолом Павлом. Если Бог одарил Павла мгновенным озарением, открывшим ему истину, то Никодим, хоть и был (в отличие от Павла) свидетелем земной жизни Христа, тем не менее пришел к вере мучительным путем рационалиста и скептика, говорящего «нет» даже тому, что он видит собственными глазами. Видеть чудеса собственными глазами – и отрицать, и все равно не доверять... Феномен, ничуть не потерявший своей актуальности и сегодня.

Никодим, по сути, сопротивляется тому, чтобы заменить свою «правильную», но не удовлетворяющую его веру, на неправильную, к которой зато тянется его душа. Разве и это не актуально сегодня? В наш просвещенный век свобода вероисповедания формально провозглашена, да только разве с этим меньше проблем, чем во времена Никодима? Как бы то ни было, Никодим пошел за Христом не от недостатка или отсутствия веры, – психологическая ситуация у этого фарисейского учителя существенно отличалась от таковой у нашего современника с его зияющей дырой на месте религиозного чувства. Никодим всей своей жизнью служил единому Богу. Молитвы, посты, жертвы, размышления о Писании для него – повседневная и отнюдь не формальная практика. Учтем и то, что Никодим – один из самых богатых людей в Иудее, у которого есть все, включая славу и признание: он знаменитый сочинитель проповедей, истолковывающих библейские тексты. А все-таки ему чего-то не хватает. Не хватает до состояния удушья, до невозможности жить дальше.

Не чудесами Иисус соблазнил Никодима: ветхозаветный Бог тоже бывал способен на всечеловеческие чудеса. В лице Иисуса Никодим встречает даже не столько Бога – он встречает Божественную любовь. Огромную, перекрывающую человеческий здравый смысл, опрокидывающую все устоявшиеся представления о том, что положено, что правильно. Иисус из Назарета любит его, Никодима, так, что по сравнению с этим меркнет мир. Стоило Иисусу приворожить его – и Никодим был обречен, как были обречены все, прикоснувшиеся к Его любви. Или, выражаясь другим языком, спасены. Полюбив Его, Никодим постепенно теряет все, что

он превыше всего ценил в прежней жизни: положение в обществе, друзей, богатство. За эту любовь Никодим отдает единственное дорогое ему человеческое существо.

Добрачиньский рисует Иисуса в обличье Великого Универсалиста. Кстати, эту сторону личности Христа прекрасно чувствовал апостол Павел, заметивший, что во Христе «нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского». Как известно, в иудаизме основное чувство, связующее человека с Богом, отнюдь не любовь, а страх Божий. Но цена любви к Богу оказывается еще выше цены страха Божьего. И Никодим, пройдя через ужас крещения Божественной любовью, понес тяжкое бремя избранного.

И все-таки, что же он получил взамен? За что платил? В нашем человеческом измерении вопрос правомерный... Никодим получил ровно то, что Иисус ему и обещал – спасение. Автору удалось придать совершенно конкретный смысл столь раздражающей оппонентов христианства идее спасения. Воздаянием за любовь оказался смысл. Богопознание и самопознание в конечном счете этот смысл обеспечивают. Ведь современного человека не избавляет от страданий «здесь и сейчас» ни вера, ни неверие в то, что он попадет в Царство Божие. Его спасает обретение смысла существования.

Впрочем, роман можно прочесть и множеством других способов и открыть в нем множество других смыслов. Тем он и хорош.

Возможно, читателю будет любопытно узнать, что «Письма Никодима» были написаны «почти случайно». Почти. Яна Добрачиньского, к тому времени уже признанного мэтра польской прозы, всего лишь попросили прислать статью для рождественского выпуска популярного варшавского журнала. А он взял и написал ее в форме письма фарисея Никодима. Так родился замысел романа, который реализовывался довольно долго. Сбор фактического материала, работа в лучших библиотеках мира – все это отняло много времени. Впрочем, «Письма Никодима» – отнюдь не единственное обращение автора к историко-религиозной тематике. Помимо двух романов на библейские сюжеты («Пустыня» и «Избранники звезд»), его перу принадлежит «Святой меч» – повествование о первых христианских общинах и, в частности, о деятельности апостола Петра. Однако такого огромного успеха, как «Письма», эти произведения не имели.

Елена Головина

«... – Господи, – молил я, – в Твоей воле молчать. Но мне так нужен знак от Тебя. На соседней ветке сидит ворон, сделай так, чтобы он улетел, когда я кончу молиться. Он будет взмахом ресниц другого, чем я, и я больше не буду одинок в этом мире...

Я перевел глаза на ворона. Он сидел неподвижно. Я упал ниц перед камнем.

– Господи, – сказал я, – Ты прав во всем. Не Твоему всемогуществу соблюдать мои жалкие условности. Если бы ворон улетел, мне стало бы еще горше. Такой знак я мог бы получить от равного, словно бы опять от самого себя, он был бы опять отражением – отражением моего желания. Я опять бы повстречался со своим одиночеством.

Я поднялся с колен.

И случилось так, что темнота отчаяния сменилась безмятежно-ясным покоем».

Антуан де Сент-Экзюпери «Цитадель». Перевод с французского М.Ю. Кожевниковой.

Письмо I

Дорогой Юстус!

Ее болезнь совершенно сломила меня. Когда-то я был человеком полным сил, который с окружающими людьми умел обходиться мягко и снисходительно, мне несвойственны были вечная раздражительность, нетерпеливость и несносная потребность постоянно жаловаться. Только сейчас я открываю в себе эти отталкивающие черты загнанного существа, которое, как дикий виноград, готово обвиться вокруг любой изгороди и заодно пенять ей за то, что та недостаточно высоко возносит его к солнцу. Если раньше я был способен отказать себе во многом, то теперь я с трудом соблюдаю полагающиеся посты! Должен признаться также, что не осталось во мне и прежней снисходительности, все более чужими мне становятся наши хаверы из Великого Совета. Мне смертельно надоели их бесконечные споры об очищении и дискуссии о новых галахах. С каждым днем это становится мне все более безразлично. Можно всю жизнь скрупулезнейшим образом выполнять все предписания, и тем не менее ничего не получить взамен... Почему болезнь поразила именно ее? Закон в его основной сути сосредоточен в словах псалма: «Делай, что велит Всевышний, и Он никогда не оставит тебя»¹. Никогда... Так ведь немного найдется людей, которые бы так неуклонно постились, соблюдали очищения, приносили жертвы, размышляли над предписаниями и притчами, как я. Тут что-то не так. Не так уж много я грешил, чтобы Всевышний мог покарать меня за это таким страшным несчастьем. Правда, в Священном Писании имеется история Иова... Но, во-первых, этот идумеец не был верным, и, во-вторых, ему было невдомек, как полагается служить всемогущей Шхине; он упорно не желал признать, что грешит всякий, кто денно и ночью не печется о чистоте своих помыслов и поступков. Но ведь в конце концов Всевышний поразил страданием его самого, а не того, кто был бы ему так же дорог, как мне Руфь. Какая страшная вещь болезнь: мне часто случается видеть тех отталкивающих, изуродованных существ, которые живут в расщелинах у Навозных ворот. Однако беспомощно смотреть, как болезнь пожирает тело самого любимого человека, – с этим невозможно примириться!

Я то и дело возвращаюсь к этому, с кем бы я ни разговаривал. Скоро люди начнут избегать меня, боясь, что я заражу их тоской, как заражают проказой или египетской болезнью глаз. Одно спасение мне осталось: работа. Когда я пишу мои агады, прославляющие величие Пред-

---

¹ В большинстве случаев автор не цитирует, а пересказывает Библию. *Прим. перев.*

вечно, я пьянею, как от вина. Мне известно, что они пользуются все б^ольшим признанием, и слухи об этом, которые до меня долетают, служат мне некоторым утешением. Впрочем, меня не только хвалят, но и ругают, что я воспринимаю особенно болезненно. Люди не понимают, что переживая болезнь Руфи, я способен только на суровые слова, и ни на какие другие. Если мне все же не удастся найти подходящего и точного слова – что ж поделать... Все чаще мне приходится говорить «что поделать», и этими словами, точно щитом, я стараюсь прикрыть свое окровавленное сердце. Я чувствую себя тогда, как черепаха, втянувшая голову и лапы под панцирь; она предпочитает не шевелиться, чтобы только не подвергнуться болезненному прикосновению. Раньше я произносил «что делать», подразумевая, что дело серьезное, и ради него можно принести любую жертву. Сегодня мое «что поделать» означает, что пусть лучше самые серьезные дела исчезнут, чем еще больше страдать. Хотя, собственно говоря, можно ли страдать больше? Разве тот, кто из страха перед дальнейшим страданием неспособен больше ничего отстаивать, не испил уже всей чаши человеческой боли?

И еще меня угнетает, что несчастье обрушилось на меня как раз тогда, когда весь мир оказался на пороге больших событий. Не ты один это чувствуешь, здесь у нас тоже людей словно охватило безумие. Споры в Синедрионе становятся все более ожесточенными; потом они переносятся в притвор, на Ксistus, где нередко кончаются потасовками, в которых, увы, принимают участие даже мудрые и почтенные ученые. Самые яростные конфликты разрешаются с помощью стражников: как это ни позорно, но этих рьяных смутьянов попросту нанимают убивать тех, кто почему-либо негоден. Люди старые и опытные говорят, что подобное возмущение и ненависть царили здесь двадцать с лишним лет назад, когда из Галилеи на нас то и дело обрушивались банды мятежников. Римские власти сумели тогда усмирить страну, и надо признаться, что их правление оказалось гораздо сноснее, чем деспотия Ирода и его отпрысков. Но долго ли продлится это относительное затишье? В воздухе носится тревожное предчувствие бури; она еще скрывается за горами, но уже близка. Все против всех. Ни для кого не секрет, что римский легат в Сирии ненавидит римского прокуратора в Иудее, что прокуратор и тетрархи грызутся между собой, как собаки; что потомки Ирода яростно враждуют и всегда готовы к взаимной резне и травле. И надо всем этим рыжим хамсином нависает тень далекого кесаря, сумасбродного и жестокого. Вести о кровавых проскрипциях, творящихся по его произволу в Риме, пробуждают в людях дикий необузданный инстинкт ненависти. В Кесарии греки уже не раз нападали на наших. В Александрии и Антиохии, кажется, дело дошло даже до крупных потасовок. В Риме, как я слышал, при известии о том, что преторианцы взяли Сеяна, толпа напала на наши поселения. Повсюду война, кровь и убийства, а еще так недавно римские писаки возвещали наступление «золотой эры» и «вечного мира».

У меня есть предчувствие, что готовится что-то недоброе. Естественно, в подобный момент желательно чувствовать себя свободным, чтобы, по крайней мере, быть в состоянии понять, с какой стороны надвигается опасность. Вместо этого все мое внимание приковано к болезни. Не исключено, что не сегодня-завтра произойдут решающие события, а я даже не замечу их приближения. Я подобен человеку, несущему такую страшную тяжесть, что он даже не в силах взглянуть, куда ставить ногу...

Нечто надвигается, и оно уже близко... Как ты думаешь, Юстус, что это может быть? Скажи, ты действительно веришь, что когда-нибудь придет Тот, Кого мы называем Мессией? Саддукеи, например, давно уже не верят в Его пришествие. Они нахватались греческой философии и мыслят Его только в качестве символа. Они презрительно смеются, когда кто-нибудь говорит им о Мессии в человеческом облике. Впрочем, зачем им Мессия? Им нужно только, чтобы существовал Храм, куда бы весь Израиль приносил пожертвования, чтобы они одни были посредниками между людьми и святыней Господней, и, наконец, чтобы римляне не препятствовали такому положению вещей. Мы, фарисеи, далеки от того, чтобы отнимать у людей веру в Мессию, мы неустанно учим о Нем, разъясняем в многочисленных агадах, как будет

выглядеть Его пришествие. Хотя и сам я много говорил и писал об этом, но все же мне трудно отогнать тревожную мысль, что наши обещания звучат чересчур прекраснодушно. Мессия, Покоритель Едома, Владыка мира и природы, которая с Его приходом призвана плодоносить, как никогда прежде... Разве это звучит правдоподобно? Кто мы такие? Маленький народ, окруженный десятком других народов и вместе с ними прикованный к колеснице варварского Рима. Мы в раздоре сами с собой... Кем же должен быть этот Сын Давидов, чтобы изменить подобное положение вещей? Обычным человеком или полубогом? Но полубоги ходят по земле только в греческих сказках. Я верю, что некогда Всевышний творил чудеса, но сейчас все вокруг стало безнадежно обыденным. Говорят, что где-то за морями есть край чудес, да только это, к несчастью, неискоренимая ложь. Лично я вещей необыкновенных не наблюдал никогда. В мире, который меня окружает, не отведено места чудесам; я знаю, что им правит злоба, ненависть, гордость, тщеславие и страсть. Чтобы этот мир победить, надо быть еще более злым, ненавидящим, тщеславным и алчным, чем остальные. В этом мире победу приносит только война. Мессия должен быть вождем, который сумеет повести нас против всех наших врагов, а их – легионы! Возможно, тебя это возмутит, но я не в состоянии представить себе такого Мессию. Увы, я не могу игнорировать того, что я наблюдаю вокруг, слышу и, наконец, чувствую... Разве по силам человеку из плоти и крови восстать с горсткой наших молодых боеспособных людей против всего мира и победить его? Хоть мне и ненавистно все, что исходит от саддукеев, к сожалению, я чувствую, что начинаю рассуждать, как они. Мессия представляется мне лишь идеальным носителем всевозможных добродетелей, и если мы были бы в состоянии подражать этому посланному нам образцу хотя бы отчасти, то наша жизнь стала бы лучше, добрее, прекраснее. Похоже, не я один так рассуждаю. Некоторые фарисеи, когда при них упоминают о предреченном возвращении Илии, отвечают: «Вот и дожидайтесь его». Так говорят о вещах, которым не суждено сбыться. Впрочем, никто не осмеливается высказывать такие мысли во всеуслышание, и я тоже воздерживаюсь. Пишу об этом только тебе, Юстус, и еще немного беседую с Иосифом. Он, как тебе известно, не фарисей и не саддукей; он и вовсе исповедует философию, согласно которой основной смысл человеческой жизни в том, чтобы честно зарабатывать золото. Мои хаверы не одобряют нашу с ним дружбу, равно как и то, что мы совместно ведем торговлю. Из-за его сношений с гоями его считают нечистым. В сущности, Иосиф – большой грешник... Но я питаю к нему слабость. Невзирая на свои многочисленные дела, не позволяющие ему долго засиживаться на одном месте – ни в Иерусалиме, ни в Аримафее, он – единственный, кто интересуется здоровьем Руфи и находит время, чтобы навестить ее, поболтать с ней, развлечь подарком. Я не могу постичь, как в человеке, не соблюдающем Закона, может быть столько доброты. При этом я убежден, что если бы не его богатство, он давно был бы причислен к минам. Я привык оценивать людей по их благочестию и потому никогда не мог даже представить себе, что именно с Иосифом у меня завяжутся такие близкие отношения и даже дружба. Если бы не он... Мне уже случалось переживать минуты полного душевного упадка, когда мне хотелось богохульствовать, сыпать проклятиями и искать забвения в грехе. В такие дни преувеличенные и неискренние слова утешения, которые на меня изливали мои собратья, вызывали у меня отвращение. Зато простые слова Иосифа, безыскусная шутка, которой он, как я понимаю, хотел отвлечь меня от отчаяния, помогли мне вновь обрести равновесие. Никогда прежде не испытывал я такой нужды в дружбе, как сейчас, никогда не добивался ее настойчивей. Какая, оказывается, это редкая драгоценность! Особенно, когда в ней нуждаешься...

Благодаря сотрудничеству с Иосифом, мое состояние растет и умножается, хотя теперь я не прикладываю к этому никаких усилий. Я стал почти так же богат, как он. Нас считают самыми состоятельными людьми во всей Иудее. Сколько радости я мог бы доставить Руфи этим богатством, будь она здорова! Но она равнодушно глядит на все мои приношения. Изредка я кладу ей на постель драгоценности, привезенные из дальних стран; чтобы не обидеть меня – а

Руфь удивительно деликатна, – она с минуту перебирает перстни и браслеты своими маленькими ручками, такими ловкими во всяком рукоделье, а потом говорит: «И вправду очень красиво...» Ее голос выдает уныние, хотя она и старается его скрыть. «Унеси это...», – произносит она, вытягивается, легким кивком головы делает мне знак, чтобы я ушел, и закрывает глаза. Всякий раз, когда я это вижу, спазм перехватывает мне горло. Вот и сейчас, когда я пишу об этом.

Я всегда полагал, что богатство, нажитое мной по воле Всевышнего, было ниспослано в знак Его расположения ко мне. Перечитывая какую-нибудь агаду перед тем, как отдать ее другим, я нередко думал, что Предвечный доволен мной, раз позволяет мне так писать о Нем. Откуда же тогда взялась эта болезнь, словно заноза, впившаяся в руку работника? Почему именно меня решил Он сломить, когда вокруг столь великое множество грешников, так и остающихся безнаказанными? Иногда мне кажется, будто я заточен в какую-то ужасную тюрьму, где людей подвергают страшным пыткам, и в то же время прямо за решеткой я вижу дома, в которых люди живут своей повседневной жизнью: любят, переживают маленькие будничные радости, столь мало ценимые на воле, но столь взыскуемые в заточении. Кто знает цену здоровью, пока к нему в дом не придет болезнь? Кто в состоянии понять, что любовь способна высосать из человека все силы, и тогда он теряет возможность помочь тому, кого любит?

Разумеется, моя собственная боль кажется мне невыносимее любой другой, однако же я не могу не признать, что весь мир полон жестоких страданий, которых не миновать никому, поэтому каждый в какой-то степени достоин сочувствия. Кто знает, может, мы все живем в тюрьме, и, заглядываясь на дом соседа и завидуя его счастью, мы на деле видим перед собой точно такую же тюрьму. Если тому, что грядет, действительно суждено перевернуть мир, то это грядущее должно как-то объяснить абсурдность жизни. Пусть «абсурдность» и не совсем точное слово – я не могу подобрать другого. Ты меня знаешь, Юстус, знаешь, что я всегда останусь верен Всевышнему. Я не в силах отказаться от надежды, что Он все же пожелает мне помочь. Впрочем, даже если я лишусь этой надежды, то не посмею отступить от Него. Что мне тогда останется? Я – истинный израильтянин, один из тех, которые призваны свидетельствовать о Нем. Моя жизнь сложилась так, что всякое мое деяние в то же время и акт служения Ему; в противном случае, оно теряет для меня всякий смысл. Я не убегу от Него, как Иона. Так за что Он сокрушил меня этой болезнью?

Вот, дорогой мой учитель, каково состояние моего духа, о котором ты спрашивал. Как видишь, оно сильно изменилось с тех пор, как я сживал у твоих ног и внимал твоим наставлениям. Иногда мне кажется, что я сильно постарел. Знаю, что не пристало мне так говорить перед лицом твоей достойной старости. Напиши мне ответ, и я тоже напишу тебе о себе и о Руфи... О, если бы я только мог сообщить тебе: «Она здорова!»

Письмо II

Дорогой Юстус!

Глядя на страдания Руфи, я всеми силами стараюсь что-то предпринять и не сидеть сложа руки. Возможно, я только ищу в этом спасение от отчаяния. Пусть так. Лучше тешить себя мыслью, что я хоть как-то ей помогаю, чем, опустив руки, беспомощно смотреть на ее бледное лицо, на прозрачные веки в голубоватых прожилках и прислушиваться к ее дыханию, похожему на стон. О, Адонай! Это выше человеческих сил! Иов потерял своих детей, однако нигде не сказано, что он смотрел на их мучения. Страдания ближнего создают некий замкнутый мир, в котором невозможно жить, но и убежать тоже невозможно, даже ценой смерти. Впрочем, когда приходится выбирать между болью и смертью, то обычно не выбирают ничего.

Великий Совет фарисеев послал Хузу, Лазаря и Самуила поближе присмотреться к деятельности Иоанна бар Захарии, и я тоже отправился с ними. Не только любопытство влекло меня к нему. В наше сознание глубоко впечатались священные истории о пророках, которые исцеляют и воскрешают мертвых. Я все вспоминаю про сына вдовы из Сарепты Сидонской... Конечно, она была добросердечная женщина, однако язычница, чужой нам крови и веры. А я – иудей, верный слугитель Закона, фарисей... Я служу Всевышнему всей своей жизнью: не скуплюсь на милостыню, не общаюсь с иноверцами, забочусь об очищении, соблюдаю посты и молитвы. Не буду хвастаться... Когда я сам бываю собой доволен или другие устаивают меня похвалой, то я испытываю удовлетворение и радость лишь в первый момент; но это быстро проходит: словно ты съел вкусную смокву, после которой притупляется вкус к остальным. Впрочем, ты меня знаешь. Не буду хвастаться, однако мне сдается, что моя работа чего-нибудь да стоит. Я учу и знаю, что меня слушают. Агады, которые я пишу, в доступной форме говорят о величии, силе и славе Предвечного. Вот я расскажу тебе одну из них, как раз недавно написанную: равви шел по дороге и встретил ангела, несущего лук. Они сошлись в узком месте, и ни один не хотел уступить другому дорогу. «Уступи мне, – говорит равви, – я занят мыслями о Нем... Отойди». Но ангел не сошел с дороги. «Почему ты не пропускаешь меня?» – вышел из терпения учитель (а это был очень мудрый учитель, знающий все тайны земли и неба; когда я писал эту агаду, я думал о тебе, Юстус). Тогда ангел сказал: «Я уступлю тебе дорогу, если ты скажешь мне, какой Он». Равви усмехнулся: «Хороший вопрос! Но я могу на него ответить. Он подобен молнии: обрушивается на грешника и повергает его на землю». – «А что Он делает с праведниками?» – спросил ангел. «Ты носишь Его лук, а этого не знаешь? – заметил равви. – Случается, что Он и праведника пронзает Своими стрелами...» – «Но зачем?» – «Он поступает

так, когда человек чересчур возвеличивается. Помнишь, как Он боролся с Иаковом и, будучи не в силах одолеть его, наконец поразил в бедро?» – «Значит, ты считаешь, досточтимый равви, что Он боится человека?» – «Не говори так, это кощунство. Я бы сказал так: в Нем есть тайная слабость, и если человек постигнет ее, то станет равен Ему силой. Но тайна эта открыта только мудрейшим...» И ангел сошел с дороги мудрого учителя.

Как тебе нравится эта аггада? Это моя мысль, что Он всемогущ, но есть в Нем тайная слабость. Надо только уметь разгадать ее. Видимо, праотец Иаков сумел, так как ни в чем не отступил перед Ним. Мне, к сожалению, это не удалось.

Как найти разгадку? Мне когда-то казалось, что мир состоит из двух частей: в большей обретаются грешники и язычники, в меньшей – праведники и последователи Закона. Сейчас я начинаю думать, что это разделение было чересчур упрощенным: таких грешников, как Иосиф, никак не поставишь в один ряд с совсем уже заблудшими душами; и в то же время не менее несправедливо оправдать таких верных, как саддукеи. Мало ведь просто называться верным, носить таллит с пятью кистями и тфиллин. Все мы непрерывно восходим по некоей лестнице, вроде той, которую Иаков видел во сне, и нам не дано знать, на какой ступени находится дверь, допускающая к тайне Всевышнего. Даже если ты фарисей, тебе все равно далеко до заветной ступени. Тем более, что отнюдь не все наши хаверы отличаются благочестием, взять хотя бы равви Иоила... Меня раздражает, что они выставляют напоказ свою набожность, как уличная девка свое тело.

Но даже если не все фарисеи по-настоящему благочестивы и добродетельны, фарисеи с их неустанными молитвами, постами, размышлениями и страхом перед всем нечистым, то что тогда говорить о нравственности среднего амхаарца, гнусно погрязшего в грехе и занятого только удовлетворением своих страстей? Уж он-то никогда не обращает взора к небу и живет, подобно скотине, не задумываясь и нимало не заботясь о том, что существует Всевышний, ангелы, добродетель... Досточтимый Гиллель учит: «Приблизим Закон к народу», и я, по крайней мере, пытаюсь это сделать. Мои аггады расходятся среди хаверов, а те, в свою очередь, передают их другим. Однако какому же амхаарцу придет охота их слушать? Вот если бы я учил, как выпекать хлеб из песка, тут они сразу бы все сбежались; а дела Всевышнего их не интересуют.

Но как будешь думать о взаимоотношениях Закона и народа, когда в доме такое несчастье? Страдания Руфи ужасны... Я слушаю ее стоны, смотрю на дрожащие от боли губы – и мне не до размышлений о славе Предвечного. Ты спрашиваешь, а что же врачи... Они ничем не могут помочь. Да что врачи... Поначалу они приходили самоуверенные, громогласные, ставили диагноз еще до того, как узнавали о болезни; а потом, исчерпав все свои средства, замкнулись в многозначительном молчании, перестали отвечать на мои вопросы и только обменивались друг с другом непонятными медицинскими терминами. Они уже ничего не обещали и никакой помощи не приносили, зато требовали все б°льшую плату. В конце концов, они стали исчезать... Поочередно покидая мой дом, они заверяли, что Руфь непременно выздоровеет. Но когда и как – никто не сказал; все только советовали набраться терпения да пожимали плечами, словно давая мне понять, что я надоел им своими вопросами и нелепыми требованиями. Хотя бы один выдал из себя признание, что наука их бессильна; нет – они скорее были склонны приписывать неудачу моей назойливости.

Возможно, тебе представляется недостойным, что, раздавленный горем, я докатился до того, чтобы искать спасения у этого сына священника, коротающего дни в выжженной солнцем пустыне. О нем все чаще говорят, что он пророк. Какое громкое слово! Уже много лет не было пророка на земле иудейской. Этот человек действительно чем-то напоминает Илию: долгие годы провел он в уединении среди скал между Хевроном и побережьем Мертвого моря, а когда, наконец, покинул свое убежище и появился неподалеку от Вифаварской переправы, то люди перепугались. Рассказывают, что он большой, черный, с всклокоченными волосами, одет

в верблюжью шкуру, а глаза у него, как два горящих угля; и будто бы он не говорит, а кричит; и все повторяет: «Покайтесь! Покайтесь! Сокрушайтесь о грехах своих!» Он погружает людей в Иордан, поливает им головы и наставляет о том, как следует себя вести. Несметные толпы тянутся к нему.

Едва выйдя за городские ворота, мы тут же смешались с толпой людей. В Иерусалиме последние дни было прохладно; по ночам шел дождь со снегом. Но по мере того как мы спускались к Иерихону, становилось все жарче, и наши шерстяные симлы начинали нас тяготить. От озера несло жаром, словно от печи. Людей на дороге скапливалось все больше; они стекались сюда со всех боковых дорог и тропинок. Снизу шли те, которые уже возвращались домой. Их громко окликали: «Пророк еще не ушел? Он там?» – «Там, там!» – кричали в ответ. «Он крестит?» – «Крестит!» У тех, что поднимались с Иордана, лица были серьезные и как бы немного испуганные. «Он что, кричит и грозит?» – спрашивали у них. «Он ругает священников и фарисеев, – слышалось в ответ, – но к остальным он добр». До Иерусалима уже донеслась весть о том, что, хотя сам Иоанн из священнического рода, он пылает гневом против саддукеев. И он прав. Но что он может иметь против нас? Мы единственные, кто неизменно помнит о почитании пророков, и мы тоже призываем народ к покаянию. Многие из наших хаверов добровольно несут покаяние за грехи нечистых амхаарцев, и появившись сегодня новый пророк, он только у нас и мог бы найти поддержку.

Становилось все жарче и многолюднее. Мы вышли из города на рассвете; в полдень мы расположились на отдых в том месте, где белесые и красноватые холмы вступают в долину, окружающую Иерихон. До сих пор нам редко попадалась зелень, обильно растущая только по расщелинам, а здесь она уже густо пышнела, как мохнатый ковер, над которым высились пальмы. На возвышенности белели дома и богатые дворцовые постройки. Поодаль, за высокими травами и сплошным клубком из бальзамовых кустов стремительно тек Иордан. К нему струился бесчисленный людской поток. Кого тут только не было: амхаарцы, местные ремесленники, мелкие торговцы, мытари, подкрашенные кармином блудницы, богатые купцы, банкиры, левиты, храмовые слуги, солдаты, доктора, книжники и даже священники. В шуме сотен тысяч голосов слышались галилейское, ханаанское, сиро-финикийское наречья, носовой греческий язык, арабские окрики. Избранный народ держал путь к броду: иудеи, галилеяне, пришельцы из диаспоры, самаритяне, идумейцы... Бесчисленные ноги месили песок осыпи, в которую обратился высокий и крутой берег реки. В этом месте Иордан легко перейти вброд. Люди входили в воду, она пенилась и бурлила. Тех, которые не желали замочиться, перевозили на другой берег на плотах и лодках. Владелец лодки или умелец, который мог сколотить порядочный плот из нескольких досок, имели возможность неплохо заработать. Перевозчики перекликались между собой, приставали к тем, кто побогаче одет, и силой тянули их к своим лодкам: нередко доходило до споров и потасовок. Оба берега реки были сплошь заполнены людьми; этот колоссальный людской улей волновался разноречивым гулом: спорили, смеялись, рассказывали, обсуждали пророка. Среди толпы сновало несметное множество странствующих торговцев с корзинами полными провизией: соблазняли ячменными хлебцами, баранками, сушеной рыбой и мелкой саранчой, которую простолюдины едят не сушеной. Повсеместно горели костры: на них приготавливали пищу. Не утихала бойкая торговля фруктами.

Вся эта масса людей, расположившихся в тени зелени, напоминала толпы паломников, стоящих лагерем под стенами города в дни праздников Пасхи и Кущей.

Когда мы остановились на берегу реки, день уже клонился к вечеру. Сверкающий шар висел над горами Иудеи, и на фоне заходящего солнца их острые и причудливые контуры отбрасывали грозную черную тень. Было уже слишком поздно для того, чтобы переходить реку и беседовать с пророком, так что пришлось отложить это до утра. Мы выбрали себе место подальше от крикливой толпы, среди которой, разумеется, не было недостатка в нечистых. Совершив полагающиеся омовения, мы приступили к вечерней трапезе. Солнце опускалось все

ниже, и длинные тени деревьев вытянулись во всю ширину зеленовато-коричневой реки. Кое-кто еще переходил брод, однако большинство прибывших располагалось на ночлег. Должно быть, пророк уже ушел, потому что люди на противоположном берегу, еще недавно плотной толпой стоявшие у самой воды, теперь рассеялись по окрестностям. На фоне меркнувшего дня красноватым пламенем вспыхивали костры. Вершины Моавитских гор еще смутно розовели над погружающимся во мрак ущельем, но вскоре и они начали сереть и гаснуть, пока совсем не затерялись среди низких туч. Слышался плеск воды. Шум стихал. Прочитав вечерние молитвы, мы завернулись в плащи и растянулись на земле. Песок быстро остывал. Шелестел тростник. Со дна ущелья небо казалось не таким высоким, как обычно, а напоминало плоский свод Храма.

Лежа навзничь, я думал о Руфи. Зрелище болезни даже сильнее побуждает к раздумьям, чем зрелище смерти. Смерть нечто завершает, болезнь не завершает ничего... Болезнь приходит неожиданно, разгорается, утихает, снова вспыхивает... Человек думает, что она уже ушла, а она опять возвращается. Такое бесконечное колебание туда-сюда. Ты стискиваешь зубы, выжидая, когда она уйдет, а она не уходит. Наконец, в один прекрасный момент терпению наступает предел. Возможно, его еще хватит на сегодня, ну в крайнем случае, на завтра... А дни летят, и от этого «завтра» тебя отделяет уже несколько шаббатов. Да только все остается по-прежнему: небольшое улучшение – и новый всплеск болезни.

Поначалу сил у меня было в избытке. Я мог подолгу бодрствовать, предпринимать все новые и новые усилия, искать выход из положения. Однако в конце концов моя энергия исчерпалась, и теперь я веду себя, как борец, знающий, что он может одолеть противника только выдержкой. Я ощущаю ее болезнь как горб, к которому начинаю привыкать. Раньше я был не в состоянии ни пить, ни есть, ни спать; теперь я сплю все крепче, тем самым защищаясь от пробуждения. И ем... Однажды я почти готов был заподозрить, что больная стонет без причины. Нет, я не прекратил борьбу, но у меня такое чувство, будто я совершил предательство. Сам не знаю, когда и как.

Ущелье окутала пелена тумана, сквозь который пробивался красноватый серп месяца. С шумом плескалась вода. Я долго не мог уснуть.

Рано утром нас разбудил шум людского улья. Над рекой с жалобным криком кружили чайки. Мы увидели, что к нам приближается группа священников и левитов. Они шествовали солидно, опираясь на посохи, и их длинные одежды волочились по мокрому песку. Несколько прислужников расталкивали людей, чтобы священники могли пройти, не вступая в соприкосновение с толпой. Идущий впереди Ионафас сын Анании был одет в ефод, это означало, что он прибыл сюда как представитель Храма. Поэтому мы поклонились ему первые, хотя никто из нас его не выносит. Он сын бывшего первосвященника, шурина Кайафы, глава Синедриона. Отвратительный саддукей, издевающийся над верой в воскресение мертвых! Он так уподобился греку, что с его стороны поистине бесстыдно надевать ефод. Это он понасажал своих людей возле Овечьей купальни и теперь получает доход с каждого вымытого животного.

Он ответил на наш поклон такой любезной улыбкой, будто и не он называл нас «кротами, подкапывающимися под Храм».

– Приветствую вас, достойные учителя! Всевышний да будет с вами.

Мы ждали, что будет дальше. Все так же приветливо улыбаясь, он объяснил нам причину своего пребывания здесь. Оказывается, даже саддукеи не могут больше делать вид, что не замечают толп, тянущихся к Вифаваре. Даже прокуратор прислал гонца узнать, что означает это стечение народа у реки. Кроме того, в Малом Синедрионе этот вопрос обсуждался весь вчерашний день. Кто-то вовремя припомнил старый обычай, повелевающий, чтобы каждый вновь объявившийся пророк разъяснял свои намерения служителям Храма. Поэтому было решено выслать посольство к Иоанну и потребовать, чтобы он сообщил, с чем он пришел. Тот факт,

что посольство возглавил сам Ионафас, свидетельствовал о том, насколько серьезно высшие священники отнеслись к этому делу.

– Итак, скоро мы узнаем, кто он такой, – говорил Ионафас. – И одними словами он от нас не отделается. Если он – Илия, – Ионафас злорадно засмеялся, – мы потребуем от него знака: пусть сотворит чудо. Если сумеет, конечно, – ухмылялся он, оглаживая бороду. – Мы потребуем от него чуда, а уж тогда...

Саддукеи не верят в чудеса и потому полагают, что это отличная ловушка. Но они правы в том, что стараются преуменьшить значение сына Захарии. Римляне подозрительны, и им всюду мерещатся заговоры. Несомненно, когда-нибудь вспыхнет борьба за освобождение, и нельзя допустить, чтобы она снова оказалась напрасной. Но Иоанн, наверняка, не тот человек, который мог бы ее возглавить.

Ионафас предложил, чтобы мы вместе с ними отправились к пророку. «Будет выглядеть солидней, если и вы, учителя, зададите ему вопросы. Если он не сумеет дать на них ответа и запутается, что же... тем скорее померкнет его слава...»

Когда требуется содрать три шкуры с амхаарца, приносящего жертву, саддукеи отлично справляются без нас, но когда необходимо в чем-то убедить народ, они предпочитают выступать в союзе с нами. Они трусы, как и все настоящие предатели. Кто знает, не подозревают ли они нас в сговоре с Иоанном и, чтобы застраховаться от этого, предпочитают атаковать его вместе с нами. Мы коротко посоветовались о предложении Ионафаса и, в конце концов, приняли его. Иоанн не наш человек, и у нас нет причин защищать его.

Нас перевезли на восточный берег в двух больших лодках. У самой воды полукругом стояла плотная толпа, из глубины которой доносился голос. Он и вправду не говорит, а кричит. Прислужники принялись расчищать нам проход, и толпа расступилась, с любопытством наблюдая, что же будет. Мы проследовали вперед в окружении слуг. Наконец, я увидел Иоанна. Он стоял на берегу, склонившись над людьми, которые находились в воде. Это сухой и черный исполин. Я, однако, не заметил, чтобы у него был драконовский взгляд, наоборот, из-под взлохмаченных бровей смотрели мечтательные, грустные, серо-голубые, как весеннее небо, глаза. Если бы не старящая его растительность на лице, Иоанн выглядел бы очень молодо. Но все его движения и жесты исполнены лихорадочности: он и вправду не говорит, а кричит; не ходит, а бежит. Едва завидев нас, он бросился нам навстречу. Я даже ощутил мгновенное беспокойство, потому что он двигался, как человек, готовящийся напасть. Его движения и голос казались агрессивными, однако взгляд успокаивал. Он встал перед нами, опираясь на длинный посох. Утренний ветер развеивал его волосы, ласкал высокую сильную грудь. Внезапно на его лице отразилось как будто разочарование: можно было подумать, что он ждал кого-то другого. Ионафас выступил вперед и, зачерпнув побольше воздуха, сказал зычным голосом, так чтобы все могли его слышать:

– Иоанн сын Захарии! Мы пришли к тебе от имени первосвященника Иосифа и всего Синедриона. Мы хотим, как повелевает старый обычай, спросить тебя... Будешь ли ты отвечать нам?

– Да, – бросил он коротко, – спрашивайте.

– Иоанн сын Захарии...

Ионафас говорил теперь со всей серьезностью и торжественностью. Вокруг теснился народ, но вели себя тихо, не желая упустить разговор.

– Кто ты? Может быть, ты – Мессия?

Иоанн поспешил возразить. Священник еще не успел договорить, как он уже кричал:

– Нет! Нет! Я не Мессия!

Я подумал, что этот ответ отводит известную опасность: если бы Иоанн объявил себя Мессией, то он мог бы уже не отвечать на дальнейшие вопросы. Мессия – выше Храма, а вот пророк обязан поддерживать мирные отношения с Храмом. Правда, Иеремия... Впрочем, это

было давно, а сейчас пророк вынужден ходить на поводу у священников. Разве только он был бы заодно с нами, фарисеями.

– Ну, так может быть, ты – Илия? – спросил Ионафас.

Снова решалась судьба Крестителя из-за Иордана. Но ответ последовал с той же быстротой, что и раньше:

– Нет, я не Илия...

Ионафас сглотнул слюну. Я понял, что он был поражен. Я, впрочем, тоже. Народ склонен считать Иоанна – Илией. Заявив, что он не Илия, Иоанн пустил половину своей славы на ветер.

– Ты пророк?

– Нет!

Изумленный, я смотрел в серо-голубые невидящие глаза, устремленные куда-то вдаль. Иоанн едва ли видит тех, кто теснится вокруг него; его мир начинается где-то далеко за пределами этой толпы. Я заметил, что его глаза окружены морщинками, как бывает у путешественников или моряков, привыкших всматриваться в далекие горизонты. Он говорит и слушает как бы в рассеянии: я дал бы голову на отсечение, что он одновременно к чему-то прислушивается.

– Так кто же ты тогда? – в голосе Ионафаса зазвучало презрение. Иоанн ответил строкой из Исаяи:

– «Я глас вопиющего в пустыне...»

Тогда я спросил:

– Зачем же ты крестишь?

Взгляд его оторвался от дали и перешел на меня. В его глазах я заметил напряжение и лихорадочный блеск.

– Я крещу водой, но... – Взгляд его вновь убежал вдаль, поверх толпы, на другую сторону реки.

– ...Посреди вас уже стоит Тот, Идущий за мною, Который стал впереди меня... – Губы у него задрожали. Он все всматривался в горизонт и говорил с такой нежностью, с какой женщина говорит о любимом:

– Я недостойн развязать ремни у Его сандалий...

В ту же минуту его голос сорвался с мягкой и ласковой ноты и рванулся криком:

– Он придет и будет крестить вас Святым Духом и огнем! – серо-голубые кроткие глаза вдруг стали страшными, мечтательная доброта исчезла, и они начали метать искры, как брошенный в воздух факел. Он шагнул вперед, сжимая в руках посох.

– Отродье змеиное! Думаете, вы уйдете от гнева Господня? Гнилое дерево не избегнет секиры! Спрашивать пришли?

Ионафас попятился назад, а исполинский пророк наступал на него, сотрясая воздух гневными окриками:

– Спрашивать пришли? Одно только вам отвечу: покайтесь! Покайтесь! Покайтесь во прахе, посыпьте головы пеплом. Как Ниневия! Вам кажется, что вы не такие, как они? – он обвел рукой толпу. Ионафас отскочил в сторону, и разбушевавшийся пророк оказался прямо передо мной: теперь он обращался непосредственно ко мне, осыпая меня искрами своих лихорадочных слов:

– Думаете, что вы свободны от греха, потому что вы сыны Авраамовы? Смотрите!

Он нагнулся, схватил с земли горстку маленьких, обточенных водой камешков и сунул мне их прямо в лицо:

– Из этих камней Всевышний, если пожелает, сотворит новых сынов Авраамовых. Понятно?

Меня охватила такая дрожь, что я не мог ничего ответить. Сам понимаешь, есть чего испугаться, когда обезумевший великан начинает тебе угрожать. Я даже не заметил, как остался один. Мои спутники и саддукеи скрылись в толпе. Я один из всего посольства стоял

перед Иоанном, а он кричал на меня. Глупой толпе это, наверное, нравилось, так как со всех сторон слышался насмешливый шепот. Если бы Иоанн набросился на меня со своим посохом, не нашлось бы никого, кто за меня бы вступился.

– Он уже идет! – снова заговорил Иоанн. – Он уже близко.

Гнев его вдруг утих, и невидящий взгляд безразлично скользнул мимо меня. Я понял, что этот человек жил как бы на стыке гнева и мечты: глядя на то, что перед ним, он взрывался негодованием, глядя вдаль – мечтал.

– Лопата в руке Его, – говорил он, словно пел псалом. – Он отделит зерно от плевел, Он соберет пшеницу Свою в житницу, а мякину сожжет огнем неугасимым...

На миг Иоанн застыл в неподвижности. Взгляд его искал идущего, как ищут сушу глаза потерявшего направление моряка. Люди, стоявшие вокруг, принялись забрасывать его вопросами, им пришлось повторять их по нескольку раз, прежде чем он перевел взгляд и услышал их.

– Что нам делать, Иоанн? Что нам делать? – говорили они, – что нам делать?

Он смотрел на них, но уже без гнева; у него сделалось совсем другое лицо; лицо человека, который готов отдать всю свою нерастраченную любовь случайно повстречавшемуся ребенку. Он ответил:

– У тебя два плаща? Отдай один неимущему...

Иоанн обратился к мытарю, и я даже не заметил, что нечистый приблизился ко мне на расстояние менее, чем семь шагов.

– Берите не больше, чем вам положено.

Какой-то солдат со знаками царя Ирода спросил:

– А мне что делать?

– Служи и довольствуйся своим жалованьем. Будь бдителен и охраняй то, что тебе положено охранять; не бей, не убивай, не лги...

Потом я заметил какого-то амхаарца, крестьянина, а может, и рыбака из Галилеи – у него был галилейский выговор, – рослого, с широким грубым лицом и маленькими глазками, прячущимися за выпирающими скулами, с большими узловатыми руками, которые он держал прямо перед собой. Он вынырнул из толпы с несколько придурковатым видом; в нем как-то сочетались дерзость и боязливость. Он, очевидно, был из тех людей, которые, случись скандал в трактире, первыми бросаются в драку, но зато первыми же и уносят ноги. Его вытолкали вперед такие же, как и он, неуклюжие и робкие галилеяне. Я думаю, что он завоевал их доверие, заявив что-то вроде: «Вот уж я ему скажу!..» Но сейчас он явно проглотил язык и бормотал что-то себе под нос. Наконец, собравшись с духом, он рявкнул так громко, что сам испугался своего крика:

– Что нам делать?

Иоанн остановился перед ним и положил черную, опаленную солнцем руку с белеющей ладонью на плечо рыбака. Глаза его задержались на галилеянине дольше, чем на других. Он, такой рассеянный, видящий все только наполовину, сосредоточенно впился взглядом в тупое лицо рыбака.

– Закидывай свои сети, – сказал он. – И жди. Жди...

И он пошел дальше, к людям, которые протискивались к нему со всех сторон... Повинуясь какому-то непонятному внутреннему толчку (с тех пор как болеет Руфь, мне случается принимать самые отчаянные решения), я стал продвигаться к Иоанну и неожиданно оказался в группе людей, направлявшихся к воде, чтобы их окрестили. Рядом со мной галилейский рыбак порывисто стаскивал с себя хитон, обнажая бронзовый торс. Собственно говоря, это было смешно. Вода в Иордане должна просто почернеть от грехов амхаарцев, мытарей и публичных девок – словом, всех, не соблюдающих Закона. Я же стараюсь исполнять его как можно лучше. Я несу покаяние за грехи всего Израиля. Я пришел к Иоанну не за очищением, а за здоровьем для Руфи.

Тем временем я приближался к воде, скинув на руку плащ. Хоть в этом и не было необходимости, я все же был готов подвергнуться омовению, чтобы таким образом снискать расположение пророка. Проходя мимо, я поднял на него взгляд – порой мне кажется, что я умею просить глазами, – и сказал почти смиренно:

– Что мне делать, равви? Моя...

Он остановил меня, но не было гнева в том движении, каким он дотронулся до моего плеча. Он больше не кричал, как раньше, а просто сказал:

– Служи, как умеешь. Умей отречься... И жди...

Странно, правда? Он сказал мне «жди», как тому галилеянину. Он, видно, многим так говорил, ведь он считает себя только предтечей кого-то другого. Но слов «умей отречься» я и вовсе не понимаю. От чего я должен отречься? От службы Всевышнему? Покуда я жив, я не отрекись от этого никогда.

Мягкая и теплая речная вода потекла у меня по плечам. Иоанн говорит, что она очищает, но мне показалось, что, напротив, пачкает и обволакивает грязью. Пристыженный своим поступком, я смешался с толпой.

Тебе, Юстус, наверное, смешно, что я позволил себя выкупать вместе с мытарями и распутницами. Мне не хотелось возвращаться к своим, да, к счастью, они куда-то исчезли. Я нашел укрытие в прибрежных кустах и, усевшись на землю, стал размышлять о своем глупом поступке. Что толку в этом очищении, если взамен я не получил даже обещания относительно здоровья Руфи? Но Иоанн, оказывается, никого не лечит и прогоняет тех, кто приносит к нему больных. «Мое время коротко, – обычно говорит он. – Мое дело – готовить Ему путь. Когда Он придет...» И снова смотрит поверх голов. Итак, я выкупался в Иордане понапрасну, утешаясь мыслью, что каждому из нас порой случается совершать бессмысленные поступки.

Я просидел у реки целый день. В Иерусалиме, по всей вероятности, было холодно: отсюда видно, что над иудейскими горами нависли тяжелые тучи. А здесь – душно и влажно, и кусты стоят в полном цвету. Но была и другая причина, почему я не спешил возвращаться в город: там Руфь, и хотя я люблю ее и на все готов ради ее выздоровления, мне все труднее смотреть на нее. Ее болезнь уже стала моей болезнью...

Снова наступил вечер, и Иоанн перестал крестить. Как и вчера, народ рассеялся по берегу. Разгорались костры, торговцы громко нахваливали свои олады, рыбу, фрукты, а также молодое вино в глиняных кувшинах. Неподалеку я заметил группу галилеян, которыми руководил тот самый рослый рыбак. Впрочем, все они похожи на рыбаков. Они уселись вокруг костра, прочли молитвы и принялись за еду, оживленно беседуя. Мой рыбак бубнил что-то низким раскатистым голосом. В кругу своих он вовсе не был робок, а, напротив, выглядел даже чересчур дерзким. Не молчали и остальные. Мое внимание привлекло освещенное блеском костра по-девичьи красивое лицо юноши. Этот говорил мало и тихо. Я услышал, как он обратился к человеку, сидевшему ко мне спиной: «Я не видел тебя около пророка, Нафанаил...» Я не слышал, что тот ответил, а видел только, как он указал на высокую смоковницу, растущую неподалеку от берега. «Вечно ты мечтаешь», – с улыбкой заметил юноша. О чем такие люди могут мечтать? О новой лодке, о новой сети, о лишней паре динариев, о девушке, наконец? Тут Симон (так звали рослого рыбака) произнес: «Это не мечты. Пророк Иоанн ясно сказал, что Он вот-вот придет. Велел ждать...» Представь себе, они рассуждают об этом Комто, как о человеке, который того и гляди появится из-за кустов. Я стал прислушиваться, так как меня забавлял их разговор. «А какой Он будет?» – перебил кто-то из них. «Что значит, какой? – засмеялся Симон. – Он будет Мессией. Он придет в доспехах, с мечом, окруженный войском... Или прискачет на коне, как римские центурионы». – «И начнется война? Как ты думаешь, Симон?» – «Кто знает? Может, и без этого обойдется. Может, при Его появлении все само собой рухнет». – «А как же мы?» – «Мы пойдем за Ним!» – горячо воскликнул Симон. Рядом кто-то искренне и простодушно засмеялся. «А такие, как мы, будут Ему нужны?» – «Ну,

а ты как думаешь, Иоанн?» – спросили по-девичьи красивого парня. «Я думаю, – произнес он так же медленно и спокойно, – что хотя мы всего-навсего бедняки и грешники, мы будем Ему служить. Даже если Он нас и не заметит. Праведное это дело служить Мессии, пусть хоть издали...»

«А они вовсе не самоуверенны», – думал я, лежа на разостланном плаще и глядя в небо. Как и в прошлую ночь, звезд не было видно, а над рекой стоял белесый туман. Месяц еще не взошел, было темно, и только горели костры, двоясь благодаря своему отражению в воде.

Я думал о Руфи и о том Незнакомом, о Ком возвестил Иоанн. Мои мысли путались и теснили друг друга.

Заснул я поздно, но проснулся отдохнувшим и бодрым. Моих галилеян уже не было: видимо, они отправились вслед за толпой, сопровождавшей пророка. Я двинулся в том же направлении: прежде чем пускаться в обратный путь, мне хотелось еще раз взглянуть на Иоанна. Я прошел мимо высокого Человека с темными, отливающими золотом волосами, спадающими на плечи. Он брел в задумчивости. Я стал пробираться сквозь толпу.

В центре стоял Иоанн. Люди снова задавали ему вопросы, а он отвечал, но при этом взгляд его был устремлен куда-то поверх толпы и был еще более тревожен, чем вчера. Стараясь сосредоточиться на задаваемых вопросах, пророк болезненно морщил брови, как если бы певцу хотелось петь, а он был вынужден слушать нудную болтовню. Едва вынырнув из плотной людской массы, я тотчас поймал на себе расширенные от волнения глаза пророка. Я отступил назад, потому что мне почудилось, что в нем зреет новый взрыв негодования. Однако я скоро понял, что взгляд Иоанна устремлен не на меня, а на кого-то рядом со мной, и его губы вовсе не сжимаются от гнева, а, наоборот, дрожат от волнения. Я повернул голову, чтобы узнать, на кого он смотрит. Высокий темноволосый Человек, мимо Которого я прошел, теперь стоял рядом со мной. У Него было такое лицо, которое невозможно забыть: как будто ты уже видел Его когда-то, только непонятно, где и когда. Что еще сказать тебе о Нем? Бывают лица, напоминающие профиль зверя или птицы, с теми или иными отличительными чертами, а в этом лице было что-то общее со всеми лицами. Однако это не была заурядность. Доброта всех человеческих глаз словно сосредоточилась в Его взгляде. Он медленно шел к Иоанну, а Иоанн шел к Нему. Когда они уже почти поравнялись друг с другом, пророк остановился. Потом произнес глубоким, дрожащим голосом:

– Значит, Ты пришел?..

Иоанн сделал движение, словно собираясь упасть на колени, но Пришелец быстро приблизился к нему и тронул его за плечи:

– Я пришел, чтобы креститься у тебя.

– У меня? – воскликнул Иоанн. – Никогда! Это ведь Ты...

– Так надо, – сказал Тот со спокойной решительностью.

Мне захотелось посмотреть, как Иоанн будет Его крестить. Но люди окружили их плотным кольцом. Я видел, как мои галилеяне расчищали себе дорогу локтями. У меня не было ни малейшей охоты толкаться, и посему я решил возвращаться домой. Когда я перешел Иордан, мне вдруг показалось, что я слышу гром. Я обернулся. Высокий Человек как раз вышел из воды и надевал хитон. Иоанн что-то говорил, указывая на Него пальцем, но народ слушал достаточно равнодушно. Меня охватила непонятная грусть, будто что-то прошло рядом со мной, а я не сумел этого удержать. «Напрасно я сюда пришел», – подумал я, тяжело поднимаясь в гору по осыпающемуся песку. Так я и брел целый день, сгорбившись под холодным, до костей пронизывающим дождем.

Письмо III

Дорогой Юстус!

У нас есть новости: на сей раз речь пойдет не об Иоанне сыне Захарии. Другой Человек затмил его славу. Если раньше люди тянулись на Иордан, то теперь они тянутся за Пришельцем из Галилеи, который прибыл в город в обществе Своих братьев и друзей. Они называют Его пророком, хотя Он ничего не предсказывает. Пророки покоряли сердца царей, сотрясали троны и Храм, а Этот не взывает ни к Синедриону, ни к царю (в этом надо отдать Ему справедливость, ибо только глупец может считать царем распутника из Тивериады). Он словно находится в вечном странствии, беседует с амхаарцами и со всяким сбродом, среди которого немало блудниц, мытарей и нищих. Он не требует уважения к Своим проповедям и учит, усевшись прямо под деревом на обочине дороги или на обломке скалы, лишь бы была тень. О чем Он говорит? Пока я сам Его не услышал, я не смог бы тебе ответить. Его речи всякий понимает по-своему. Для одних – это нечто невразумительное, для других – чересчур мудреное; кто-то упрекает Его в излишней простоте, а кто-то, наоборот, в чрезмерной замысловатости, некоторых Его слова раздражают, а некоторых трогают и даже воодушевляют. Но все сошлись на том, что говорит Он хорошо, Его складная речь мелодична и напевна, однако за приятным голосом и мягкими словами чувствуется скрытая сила. Если с Ним пытаются спорить, Он тотчас вспыскивает и мечет словами, будто молниями. Люди утверждают, что им не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь так говорил. Из всего, что мне о Нем рассказывали, я решил, что Он – один из учеников Гиллеля, развивающий идеи Своего учителя. Он действительно несколько раз высказывал мысль, которую любил повторять Гиллель: если хочешь получать добро – в первую очередь твори его сам. Впрочем, я быстро убедился, что Он не ученик Гиллеля. Тот, будучи истинным фарисеем, учил прежде всего с помощью толкования Священного Писания. Этот же говорит дерзко и отнюдь не всегда ссылается на Писание. В Нем есть что-то от пророка: вот это чувство независимости. Впрочем, Он и не мог знать Гиллеля, потому что Он – моего возраста, а, возможно, и моложе.

Потом я думал, что, может быть, Он – ученик Иоанна, потому что Он тоже крестит. Но оказалось, что крестил не Он, а Его ученики, да и те уже давно этого не делают. Нет, Он не ученик Иоанна, в противном случае, Он был бы учеником неблагодарным, ибо Он погасил славу Своего учителя одним дуновением, как гасят светильник. Поток людей, стекавшихся

к Вифаваре, пересохли, как Кедрон в месяце Ияр. Может, поэтому Иоанн покинул устье Иордана и отправился в Тивериаду, где, стоя перед дворцом, он сыпет проклятия на голову тетрарха. Первым, кого встретил Антипа после своего возвращения из Рима, был пророк, предрекающий ему позорную смерть в далеких западных землях в наказание за кровосмесительный грех. Другой бы либо смирился, либо приказал изгнать зловещего пророка обратно в пустыню. Однако Антипа колеблется. Говорят, он сидит, прижавшись к Иродиаде, и трясется от страха перед предсказаниями. И такой хочет, чтобы римляне отдали Иудею под его власть!

Возвращаюсь к пророку из Галилеи. Его зовут Иешуа – Иисус. Имя такое же дерзкое, как Его речи. Я так и не смог узнать, как зовут Его отца, Сам Он никогда его не упоминает. Говоря о Себе, Он называет Себя странно: Сын Человеческий. Как будто все мы не вышли из лона женщины! Раньше Он был плотником в Назарете – местечке, пользующемся дурной славой даже среди галилеян. Он строгал столы, стулья, табуретки, сохи, ставил дома. Говорят, Он был неплохим ремесленником. Неожиданно бросив все это, Он пошел проповедовать, хотя мог бы вполне прилично существовать на честно заработанные деньги. Но Он предпочел стать бродягой, живущим на подавание. Странно, не правда ли? Обычно с годами даже человек, переживший бурную молодость, все больше стремится к спокойной обеспеченной жизни. А Он, достигнув зрелости, наоборот, сменил тихую устойчивую жизнь на неверное и полное опасностей существование.

Что еще тебе о Нем рассказать? Он не постится, не пренебрегает вином. Зато творит чудеса, что и обеспечило Ему великое множество почитателей. Можно не верить трем четвертям того, что о Нем болтают, но невозможно и всего отрицать. Я сам беседовал с теми, кого Он излечил от горячки единственным прикосновением, кому Он вернул зрение и заживил нарывы. Тебя, по-видимому, удивляет, что я общаюсь с людьми, которые прибегают к магическим фокусам Галилеянина. К сожалению, болезнь Руфи сделала меня таковым. Не хочу даже упоминать об этом. К чему? Если бы хоть что-то изменилось... Не изменилось, однако, ничего. Скорее, наоборот, каждый день приносит новую напасть. Болезнь безудержно катится под гору, как повозка без управы. Что может ее остановить, если с каждым днем тело все больше слабеет? Последний врач, перед тем как окончательно исчезнуть, сказал мне с притворным воодушевлением: «Будем верить в силу молодости! Молодость творит чудеса...» Ты ведь понимаешь, что означает подобное утешение. Если бы даже молодость и была таким лекарством, то с каждым днем его ценность уменьшается. Ведь не молодость пожирает болезнь, а болезнь пожирает молодость. Повозка катится все быстрее, и, может статься, будет так катиться еще очень долго... Мне следовало бы добавить – к счастью... Но я не могу заставить себя это произнести. Я уже писал тебе, что я – как город, который сдался врагу, а тот не принимает поражения и вынуждает бороться дальше...

Мне очень стыдно, но, чтобы покончить с этим мучением, я готов идти к Галилеянину и просить Его о помощи. Не осуждай меня, Юстус! Мне рассказывали, что у Себя в Галилее Он сотворил неслыханное чудо. Это было в Кане, маленьком городишке, расположенном высоко над берегом Геннисаретского озера; галилейские молодожены любят справлять там свадьбы. Он как раз попал на один из таких праздников, и Его пригласили присоединиться к пиру. В этом Он весь! Он отправился пить вино и есть медовые лепешки с галилейскими мужиками, у которых, как тебе известно, нравы весьма просты, и они всегда расположены к пьянству и драке. Разве можно сохранять чистоту, общаясь с подобными людьми? Понятно, что там никто не заботится о молитвах, постах и должном омовении сосудов. Гости сначала пьют до отвала, потом пляшут до седьмого пота, и орут песни, и, наконец, тискают по углам девок. Фарисей никогда не затесался бы в подобную компанию. Мы существуем для того, чтобы показывать амхаарцам надлежащий пример, а не поощрять их распущенность. Мало того, что Галилеянин пребывал бок о бок с такими людьми: когда у тех исчерпался запас питья, Он претворил в вино простую воду! Если это чудо действительно произошло, то можно утверждать, что бесценный

дар оказался в безответственных руках. Пророк должен отличаться возвышенностью устремлений, не правда ли? Позволительно давать голодным хлеб, но не вино! Мои слуги всякий день выносят нищим корзину хлеба, и мой управляющий недавно подсчитал, что если ежедневно давать по два ломтя хлеба каждому правоверному еврею в Иудее и Галилее, а также диаспоре, то моего состояния хватило бы ровно на три дня подобного расточительства! Что было бы, если вместо хлеба и призыва к молитве я стал бы давать каждому кувшин вина и поощрять его к гулянкам? Необдуманная милостыня делает нищих легкомысленными.

Следовало бы оценить Его поступок еще и с другой стороны. Ради первых встречных Он превратил в вино огромные чаны с водой, и все ради того, чтобы они могли нализаться вволю в вихре пьяного разгула. А что Он сделал для тех, которые не попались Ему навстречу? Разве не долг Его, обладающего таким великим даром, искать наиболее достойных? Разве не было бы более справедливым, например, вылечить мою Руфь, чем заливать вином (по слухам, кстати, превосходным!) дом какого-то галилейского мужичонки? Пусть бы лучше Он вылечил Руфь... Я бы уж сумел отблагодарить Его.

Перед Праздниками Он прибыл в город, и я решил встретиться с Ним. Выяснив, что Он проводит время в притворе Соломона в обществе учеников и слушателей, я двинулся в том направлении. Он действительно находился там, окруженный толпой народа. От этого сборища несет чесноком, луком и прогорклым оливковым маслом. Там толклись только одни амхаарцы: крестьяне, мелкие торговцы, ремесленники. Вся эта братия громко галдела на вульгарном галилейском наречии. Я шел медленно, притворяясь погруженным в свои мысли, но на самом деле с любопытством осматривался из-под надвинутого на лоб тюрбана. И – клянусь бородой Моисея! – сейчас я скажу тебе, кто Этот Галилеянин: Тот Самый высокий Человек, которого с таким пылом приветствовал Иоанн, а потом крестил в Иордане! Я уверен, что не ошибаюсь: это лицо нельзя забыть. Я тебе говорил уже: лицо Человека... Я понимаю, что это ничего не описывает, но я не могу подобрать другого определения. Каков Он из себя? Высокого роста, прекрасно сложен, весь Его облик бесконечно гармоничен... Нет, это все не то... Его лицо чрезвычайно подходит ко всему Его облику, голосу, словам; оно спокойно, но не безжизненно. Напротив, я бы даже сказал, что в нем слишком много жизни. Только опять-таки слово «слишком» здесь неприменимо. В этом лице нет ничего, что было бы «слишком» – ни слишком много, ни слишком мало. Это как бы образец человеческого лица, такими должны быть человеческие лица. Все эти омерзительные греческие скульпторы, которых понавез сюда Антипа, были бы, наверняка, счастливы, если бы Он согласился служить им образцом: они понаделали бы с Него статуй для цирка в Кесарии. Только вряд ли даже самый талантливый из этих бесстыжих сумел бы перенести это лицо в камень. Его выразительность несводима к чему-то простому, что можно охватить единым взглядом. В любом другом лице существует какая-то преобладающая черта. Если бы, к примеру, я захотел изобразить тебя (прости мне эту безбожную фантазию!), то прежде всего я выделил бы лоб мыслителя над сведенными в раздумье бровями. Остальное было бы не так важно. Но в лице Галилеянина значительна каждая черта. Его лоб мыслит, Его губы... Его губы любят. Иначе я не умею этого выразить. Тонкие губы в обрамлении бороды неизменно выражают любовь, неважно, говорят они что-то или остаются неподвижны; так же, как и глаза, – черные, как бездонный колодец, который влечет и искушает своей глубиной. Я не буду больше пытаться описать Его. Все равно с моих слов ты не сумеешь себе Его представить. Мое стило беспомощно скользит по табличке. Я мог бы забросать тебя тысячами Его описаний, но все мои попытки увязать их в единый образ остаются тщетны.

Итак, я проходил мимо Него, а Он в это время говорил что-то окружившим Его людям. Изобразив минутную заинтересованность, я приостановился рядом с ними. Он не обратил на меня никакого внимания и продолжал учить горячо и убежденно, подкрепляя Свои слова жестами: «Приблизилось Царство Небесное...» Я не выдержал:

– Что Ты называешь Царством, Равви?

Только из вежливости я назвал Его так. Бросив на меня быстрый взгляд, Он, не задумываясь, ответил:

– Пророки до Иоанна провозглашали Закон. Кто его знает, тот знает о Царстве; кто его отрицает, то ничего не знает. Закон остается. Земля и небо прейдут, но не отменится ни одна буква Закона.

Он весь в этих словах! Он говорит вроде бы и просто, на грубом языке амхаарцев, Его речи кажутся ясными и до наивности простыми, их глубина не в словах, а в том, что открывается за ними. Слова эти вспыхивают и не гаснут. Как будто ты спускаешься с факелом в пещеру: идешь-идешь, а перед тобой впереди мелькают все новые и новые повороты. Пророки, Закон, Царство... Откуда Этот Плотник из маленького селения так хорошо знает Писание? Между тем, Он продолжал учить. А ведь умен! Тотчас умеет сложить притчу:

– Был царь, который захотел взять жену брата своего. Свою собственную жену он отослал к ее отцу и велел сказать: «Мне не нравится твоя дочь. Она плохо поет и не заботится о моей радости. Она сварлива, язык у нее, как помело. К тому же я не получил от тебя достаточно богатого приданого. Забери ее обратно». Но отец отвергнутой жены разгневался и велел послать сказать царю так: «Ты плохо поступил. Ты ведь знал, кого берешь, когда женился на моей дочери, и она не была тебе плохой женой, пока тебе не приглянулась жена брата твоего. А так ты к одному беззаконию прибавляешь другое. Верни моей дочери свою милость и отошли твоему брату его жену, пока мы оба не собрали войско да не наказали тебя каждый за свою женщину, а твое царство не отдали бы кому-нибудь другому». Ибо говорю вам: кто оставит жену свою, чтобы взять другую, тот прелюбодействует; кто женится на разведенной, тот тоже прелюбодействует.

За этими словами скрывается бездна. С одной стороны, Он вроде бы намекает на спор Антипы и Ареты, но потом мысль Его словно отрывается от земли и взмывает вверх. Вот, скажем, царство, которое по Его притче «получит другой», и упомянутое Им перед этим Царство, которое «приблизилось», – это разные вещи? Мне хотелось спросить Его об этом, но я уже отошел от них, так как, по моим понятиям, не пристало человеку моего положения толкаться среди амхаарцев. Однако должен признаться, что я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь говорил так, как Он.

«А что, если Он сумеет вылечить Руфь?» – размышлял я, в то же время сопротивляясь собственным мыслям. Я уже писал тебе когда-то, что эта болезнь словно стала моим горбом. Исчезни она – жизнь станет неправдоподобно легка. Порой я думаю, что тогда мне уже ничто не помешало бы быть счастливым. А в другой раз мне сдается, что если бы эта беда ушла, то ей на смену пришли бы другие, которые она временно собой заслонила. Возможно, в один прекрасный день я бы подумал, что лучше болезнь Руфи, чем... Нет, это невысказано! Нет ничего страшнее этой болезни!

Я не могу противиться желанию обратиться к Нему. Хотя, разумеется, мне претит мысль обтираться в толпе нечистых. Проще всего было послать за Ним и пригласить Его к себе, но и этого мне хотелось бы избежать. В Великом Совете и в Синедрионе о галилейском Пророке говорят с презрением. Что бы они подумали, если бы я привел Его к себе? Я стал бы всеобщим посмешищем. Это могли бы расценить как оскверняющий меня поступок. Поэтому мне пришлось в голову встретиться с Ним тайно, под покровом ночи. Проблема состояла только в том, что неизвестно, где Его искать. Он ведь, как птица, каждую ночь коротающая на разных ветках. Так что сначала следовало бы с Ним договориться. Только как к Нему подступиться? Он ни минуты не бывает один, Его вечно окружает толпа; даже когда Он ест и пьет, при Нем все равно остаются ученики.

Однако через пару дней подвернулся удобный случай. Среди учеников Пророка я вдруг увидел знакомое лицо: это незначительный человечек, мелкий купчик родом из Кариота. Пару раз мне случалось что-то покупать в его лавчонке, и я имел возможность с ним поговорить.

Человек он неглупый и, несмотря на молодость, уже вполне пообтесанный. Внешность у него скорее отталкивающая: маленький, тщедушный, вечно подкашливающий, со скользкими, потными, вертлявыми ручками. Торговля у него шла плохо, впрочем, кто в Везефе в состоянии конкурировать с левитами, которые пускают в оборот золото Анании и его сыновей? Кредиторы отняли у него все. Я думал, что он куда-то пропал, а он между тем объявился около Пророка: ходит за Ним следом, внимает Ему, а когда народ начинает уж очень толкаться, наводит порядок с таким видом, будто он и есть самое доверенное лицо Учителя. Мне удалось залучить его в сторонку. Его мокрая ладонь юрко схватила пару сиклей, которые я ему сунул, – и он обещал устроить мне ночью встречу с Пророком.

Вчера он прибежал ко мне с известием, что Галилеянин будет ночевать в маленьком домике в Офеле, и если я приду перед второй стражей, то смогу с Ним побеседовать. Все это было малопривлекательно: Офел – место, где селится всякая шваль, и углубляться ночью в этот лабиринт вонючих мазанок далеко небезопасно. В то же время я понимал, что это единственная возможность поговорить с Учителем, не поднимая шума. В глубине души я негодовал, что я, один из самых уважаемых людей в Иудее, член Синедриона и Великого Совета фарисеев, вынужден тайком встречаться с Пророком амхаарцев. Но выбора не было. Меня неотступно преследовало лицо Руфи, становящееся с каждым днем все бледнее, ее черные брови, сведенные в гримасу боли.

Вечером, завернувшись в черную симлу, я вышел из дома. Почти полная луна освещала город тусклым светом, ее то и дело закрывали тучи, быстро несущиеся по небу; было очень ветрено. Меня сопровождали двое слуг, вооруженные мечами и палками. Мы спускались по лестнице в черное подземелье нижнего города. Над нами раскинулись арки водопровода. Оставив наверху богатый квартал, мы сходили в бездну – в мрачное скопище глиняных конур. Здесь живут распоследние бедняки, а во время Праздников тут останавливаются богомольцы, которые не могут себе позволить ничего более приличного. Сейчас Праздники уже кончились, и паломники разъехались, оставив после себя груды мусора и навозные кучи. Повсюду стоит отвратительная вонь, из черных дверных проемов несет смрадом и нищетой. Наши шаги гулко раздавались в тишине, прерываемой только храпением, которое слышалось из каждого угла.

Мы, наверное, так бы и не нашли дом этого Фегизла, в котором находился Галилеянин, если бы на звук наших шагов из какой-то черной дыры не вынырнул мой Иуда. Он, по-видимому, подждал нас.

– Сюда, равви, сюда, – говорил он. – Осторожно, здесь можно вывихнуть ногу.

Мы начали карабкаться по разваливающимся ступенькам, шли через какие-то гадкие закоулки мимо омерзительно загаженных стен. Тучи снова заслонили луну, ветер усилился и гулко завывал в тесных улочках. Я чувствовал, как, по мере погружения в самую сердцевину этих трущоб, во мне нарастает тревога. Я даже не представлял себе, что в Иерусалиме, почти у подножия Храма, существует подобное вместилище всяческой скверны. До сих пор я был знаком с Нижним городом только в пределах дороги, ведущей от Ксистуса до царских гробниц, Силоамской купальни и ворот Источника. Иуда уводил нас все дальше, ловко и проворно, как крыса, шныряя среди развалин. Он знает тут каждый закоулок. В темноте казалось, что дома и домишки громоздятся один над другим, напоминая силуэты людей, взбирающихся на гору по трупам товарищей. Нас то и дело обдавало тошнотворным запахом вони.

Наконец, около какой-то наполовину высохшей смоковницы, скрипящей под резкими порывами ветра, Иуда остановился. Перед нами была стена, в стене – низкая дверь. Он злком приказал нам ждать, а сам проскользнул вовнутрь. Дерево тряслось, и шелест его засохших листьев походил на звон маленьких монеток. Мне было холодно, несмотря на плотный плащ, и я чувствовал, что меня бьет озноб. Мои люди тоже тревожно оглядывались по сторонам. Я подумал, что место, в котором мы оказались, пугает их ничуть не меньше. Из темноты до меня донесся голос Иуды:

– Иди сюда, равви. Учитель не спит, Он согласен поговорить с тобой. Пусть твои люди подождут.

Я неохотно расстался с моими провожатыми. Вслепую выставив вперед руки, я ступил в темноту. Иуда протянул мне руку и повел меня за собой. Это было что-то наподобие вытянутого коридора, который показался мне бесконечным. За стенами шумел ветер, сюда он не проникал, и я только слышал его протяжный свист.

Коридор вдруг кончился, а вместе с ним и темнота: я неожиданно оказался в маленькой комнатке, освещенной светильником. Тут помещались две скамьи и еще какой-то убогий скарб. В глубине было окно, закрытое ставней, которой ветер хлопал так, словно силился оторвать ее. На одной из скамей, подперев лицо руками, задумчиво сидел Галилеянин. На фоне освещенной стены отчетливо выделялся Его профиль – резкий, твердый, почти угловатый, и в то же время удивительно мягко обрисованный: удлинённый нос с выразительными ноздрями, нежные тонкие губы, решительный подбородок. И глаза, переливающиеся всеми оттенками участия и сострадания. Но вот опять дразнящее разногласие: пожалуй, Его можно назвать красивым, при этом красота Его лишена всяческой изнеженности; но если глаза Его только ласкают, то губы таят способность повелевать и свидетельствуют о силе и негибкой воле. Может, это жажда власти? Не похоже... Страсть к власти вспыхивает и полыхает, подобно пожару, но под этим огнем обычно скрывается слабость. Честолюбие, как правило, бывает более выносливым, но, по мере приближения к цели, и оно лишает человека равновесия и покоя. Он тоже способен возжелать чего-то до страсти, однако Он никогда не потянется к предмету Своих желаний нетерпеливой рукой. Самое сильное искушение не сделает Его тираном.

Я остановился на пороге, нерешительно шурясь. Меня охватила робость. Пусть тебя это не удивляет. Возможно, Он самый обыкновенный амхаарец, но умеет смотреть, как власть имеющий. Он поднял на меня взгляд: вовсе не грозный, а спокойный, мягкий и удивительно пронизательный. Когда Он смотрит на меня так – кажется, что Он все про меня знает и видит меня насквозь, поэтому слова излишни. Иуда исчез, мы были одни в пустой комнате. Вдруг Он улыбнулся, и Его улыбка была подобна свету солнца, которое очищает небо и разгоняет уныние. Я тоже ответил Ему улыбкой, потом шагнул вперед и, желая быть учтивым, произнес:

– Здравствуй, милостивый Равви...

Спокойным жестом Он указал мне место на скамье рядом с Собой.

– Почему ты называешь Меня милостивым? – спросил Он. – Только Всевышний милостив.

Его вопрос мог означать только одно: «Так ты считаешь Меня посланником Всевышнего или, как говорят Мои враги, орудием сатаны?» Я заколебался. Что, в сущности, я знаю о Нем? Но я понял, что, если не выкажу Ему почтения, то закрою всякий путь для помощи Руфи, которую я рассчитывал получить от Него. Впрочем, хоть Он вовсе и не грозен на вид, совсем нелегко сказать Ему в глаза: «Ты – слуга Велиала...» И я произнес:

– Я верую, Равви, что Ты пришел от Него, ибо никто не творит тех знамений, которые Ты творишь, без помощи Божьей...

Я присел на скамью и ждал, что Он ответит. Он вперил в меня пристальный взгляд. Я дал бы голову на отсечение, что Он знал, с чем я к Нему пришел. Потом Он спокойно сказал:

– Веруешь... Так знай: кто хочет увидеть Царство, тот должен родиться заново. Совсем заново.

Я задумался. Этот Человек говорит о Царстве и о Себе так, как будто эти вещи означают одно и то же. Как если бы Он был не только провозвестником или проводником в это Царство, но самим Царством. Но что же это за Царство, которого, собственно говоря, не существует, раз его нельзя увидеть? Нужно в другой раз родиться? Эта мысль показалась мне смешной. Родиться заново? Что это означает? Человек должен умереть и снова вернуться в мир? Или, может, старик должен превратиться в младенца и снова войти в утробу своей матери? Послед-

нее соображение я высказал вслух и не без доли скептицизма. ореол Пророка сразу потускнел в моих глазах. Он всегда так: то горячо разъясняет, а то будто вдруг отдаляется, и тогда все сразу обращается в бессмыслицу. Я еще раз повторю тебе мое открытие: Он мог бы быть тираном, но Он не хочет им быть...

Едва успев произнести последнюю реплику, я почувствовал, что слова мои прозвучали как-то фальшиво, словно не в такт. Казалось, Он не заметил этого и продолжал говорить со всей серьезностью:

– Знай, если кто не родится от воды и Духа, тот не сможет войти в Царство. Рожденное от плоти есть плоть. Ты прав: старик не может вернуться в утробу матери своей. Но можно родиться от Духа, и так происходит в веках. Слышишь этот ветер?

Белой выразительной рукой, все еще хранящей следы тяжелой работы, Он указал на дрожащую от ветра ставню.

– Шум слышишь, а не видишь его. Не знаешь, откуда приходит и куда уходит, а ведь знаешь, Кто держит ветер в руке Своей и велит ему дуть. Так и с тем, кто возродился от Духа: он и не ведал этого, а свершилось.

– Как, – воскликнул я, – как свершилось?

– И этого не знаешь? – спросил Он с мягкой иронией. – Ты, учитель Израилев, знаток Писания, создатель аггад?

Он снова заговорил серьезно:

– Знай, что Я говорю вам о том, что знаю, и свидетельствую, о том, что видел. А вы не верите Мне... Найду ли Я когда-нибудь веру на земле?

Теперь в Его словах зазвучали боль и сомнение. Его руки, воздетые при восклицании, безвольно упали, губы распустились, придавая лицу выражение горестной мольбы. В какое-то мгновение мне показалось, что передо мной нищий, выставяющий свою нищету напоказ прохожим. Казалось бы, Его слова были обращены ко мне, но помимо меня Он бросал их в темный невидимый за стенами комнаты город, в огромный мир:

– Я говорю вам о земном, и вы не верите. Как поверите, если буду говорить вам о небесном? Никто не восходил на небо, как только сошедший с небес Сын Человеческий, Сущий на небесах.

Я почувствовал дрожь. О, эта бездна за каждым Его словом! Не со мной Он говорил, и не на меня Он смотрел. Его взгляд был устремлен в бесконечность, а спокойный звучный голос с каждым словом набирал силу. Словно это был вызов, брошенный кому-то невидимому, завершение таинственного спора. Я робко, украдкой взглянул Ему в лицо, так и не разумея, о чем Он говорит. Да и кто бы понял? Его мысль не вмещается в слово... Так говорит либо мудрец, либо безумец... Родиться заново? Как? Значит ли это, что нужно что-то познать? Понять? Открыть? О чем Он говорит? Я только одно чувствовал: до чего глупо было мое замечание о старике, который должен превратиться в младенца. Он-то, по видимости, подразумевал некую великую духовную тайну. Может, Он принадлежит к секте ессеев? Или Ему открылся доступ к великой мистерии духа?

– Однако, – продолжал Галилеянин, – надо, чтобы сначала Он был вознесен, как Моисей вознес медного змея в пустыне у подножия горы Гаризим. Всякий, кто на Него взглянет и уверует, – не погибнет, а родится для вечности. Ибо так возлюбил Бог мир, что послал в него Сына Своего единородного. Не судить мир послал Его, а нести милосердие и любовь. Не обвинять и карать, а спасать и прощать. Кто отвратится от Него, тот сам себя погубит. Кто придет к Нему – тот будет спасен.

Не знаю, долго ли Он так говорил: я утратил ощущение времени. Я не отвечал, а только молча внимал Его словам, окончательно перестав понимать их смысл. Тем не менее во мне зародилась уверенность, что, возможно, тайна, о которой Он говорил, – величайшая из всех тайн мира. Я по-прежнему не имел понятия, в чем она заключается, я чувствовал только ее

значительность. Чудеса и Царство... между ними существует какая-то связь. Царство приходит с чудесами, а самое большое чудо – милосердие... Мало сказать «милосердие»; если правильно понимать Его слова, то «милосердие» даже частично не передает истинного значения этого свойства Всевышнего. Если уж Всемогущий – милосерд, то Он должен быть и самым справедливым. Допустим, можно быть абсолютно справедливым, но что значит быть милосердным? Справедливость знает свою меру. У «милосердия» такой меры нет. Истинная справедливость – одна, в то время как Милосердие неизмеримо и безгранично.

Скамья подо мной дрожала, и мне казалось, что глинобитный пол уходит у меня из-под ног. Этот разговор расколол мир пополам: до этого я был человеком уравновешенным, с прочными взглядами на жизнь, чуждый сомнениям; теперь – я ни в чем не уверен. В меня вселилось какое-то беспокойство; все вокруг рассыпалось. Наверное, нечто подобное переживают умирающие: им кажется, что это не они покидают мир, а мир спадает у них с плеч и рассыпается, как свалывшийся, изъеденный молью плащ...

Я вздрогнул, когда Он поднялся со скамьи. Порывистым шагом Он подошел к окну, отодвинул задвижку, толкнул ставню, и она со скрипом отворилась. В комнату ворвался утренний свет, порыв ветра затушил догорающий огонек светильника.

– Свет пришел в мир, – сказал Он. В первую секунду я подумал, что Он говорит о занявшемся дне. Но Он имел в виду нечто большее.

– Люди боятся света и лучше чувствуют себя во тьме, которая скрывает их злые дела. Свет манит их, но они отворачиваются от него. Солнце ищет их, но они выбирают тень.

Он закрыл лицо руками, постоял так с минуту, потом оперся об оконную раму. За окном была зелено-белая стена Офела, отливающая на солнце. Затихающий ветер шевелил ветви деревьев. Силуэт Человека с раскинутыми руками казался пересечением двух путей. Сверху со стороны Храма доносился стеклянный звон серебряных труб, которыми левиты приветствовали новый день.

Он так и не повернулся ко мне, все продолжая стоять, как верный, читающий молитву. Потом произнес тихо:

– В дне только двенадцать часов. Потом... – я снова почувствовал боль в Его словах, – потом... высоко... высоко... чтобы все...

Вскоре я ушел. Я ничего не сказал Ему о Руфи. Не смог...

Однако, оказавшись дома, я немедленно пожалел об этом. Здесь все утрачивает смысл по сравнению с ее болезнью. Это словно заноза в ноге, поначалу она просто мешает, а потом становится проклятьем. Я упустил случай... Что дал мне этот разговор? Я наслушался бессмысленных, а скорее всего, попросту безумных речей. К примеру, узнал, что я должен родиться заново... И это все! Какая связь между этим странным советом и здоровьем Руфи?

Я заканчиваю это письмо, глядя на ее ужасающе бледное лицо. О, Юстус! Отчего все так? Ведь я человек, способный превзойти многих в вознесении хвалы Предвечному. Иные не хотят Ему служить, а я неустанно служу всей своей жизнью, в которой нет ничего, что не имело бы отношения к этому служению. А вместо поощрения Он наслал на меня эту болезнь, которая медленно, день за днем раздавливает меня. Вместо врагов Он поражает самых ревностных Своих служителей. Чудо милосердия, о котором говорил Галилеянин... разве это не ужасающая издевка? Так что, Юстус, совсем не помог мне этот разговор. Сдается мне даже, что после него мое отчаяние возросло еще больше, особенно после всего того, что Он сказал. До этого еще можно было как-то примириться с миром, а теперь – нет! Нет!

Письмо IV

Дорогой Юстус!

У меня все по-прежнему. Пророк вернулся в Свою Галилею. Я больше ни разу не виделся с Ним после того разговора в Офеле. Я знаю, что потом какое-то время Он находился в Иудее, до тех самых пор, пока не разнеслась весть о заточении Иоанна. Антипа, подстрекаемый Иродиадой, дождался момента, когда пророк ушел из Тивериады, и послал вдогонку солдат, чтобы схватить его. Теперь Иоанн заточен в Махероне, в той старой крепости в Моавитских горах, в которой некогда Аристовул оборонялся от римлян. На месте разрушенного ими замка Ирод построил новый, по своему обыкновению – громадный и нелепый. Над его стенами нависает тень горы Нево. Я был там однажды. Этой крепости не взять без подкупа и предательства. Она стоит на скале, и одна ее стена круто обрывается прямо в море. Когда смотришь со стен, голова кружится еще больше, чем на краю притвора Соломона. С других сторон замок окружен глубокими ущельями, заросшими буйной непролазной зеленью, с обилием странных горячих источников, источающих затхлую вонь. От этого места веет опасностью. Эти скалы, несомненно, хранят следы дьявольских когтей. Я воображаю, как целые сонмища нечистых духов кружат сейчас над брошенным в подземелье пророком. Они особенно любят таких, как он, певцов и мечтателей; мечты открывают им самый легкий доступ к человеческому сердцу, а стоит им хотя бы раз туда проникнуть – больше на них нет управы. Не поможет ни «соломонов корень», ни самые сильные заклятья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.